

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации
<http://www.srji.org/resources/search/117/> Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно
для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the
sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «САЙДАЛИЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 41498/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Данный текст был исправлен 4 мая 2009 года
в соответствии с Правилom 81 Регламента Суда

СТРАСБУРГ

2 апреля 2009 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

14 сентября 2009 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле «Сайдалиева и другие против России»

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, Председатель Палаты Суда,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Ханлар Хаджиев,

Дин Шпильманн,

Джорджио Малинверни,

Джордж Николаи, судьи,

и Серен Нильсен, секретарь Секции Суда,

заседая 12 марта 2009 года за закрытыми дверями,

вынес в тот же день следующее постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено жалобой (№. 41498/04) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») тремя гражданами Российской Федерации, а именно госпожой Сайдалиевой Ерист Адамовной, госпожой Даутхаджиевой Нахапу Якубовной и госпожой Сайдалиевой Хаврой Хасайновной¹ («заявители»), 2 ноября 2004 года.

2. Заявители были представлены юристами "Правовой инициативы по России" ("SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») было представлено г-жой В. Милинчук, бывшим Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. 13 июня 2007 года Суд решил применить Правило 41 Регламента Суда и предоставить приоритетный порядок разбирательства данной жалобы, а так же уведомить Правительство о поданной жалобе. В соответствии с положениями Статьи 29 § 3 Конвенции Суд принял решение о рассмотрении жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса ее приемлемости.

4. Правительство возразило против рассмотрения жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости. Суд отклонил это возражение.

ФАКТЫ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители 1954, 1974 и 1979 года рождения соответственно. Они проживают в селе Сержень-Юрт Шалинского района Чеченской Республики.

6. Первая заявительница приходится матерью третьей заявительнице, Луизе Сайдалиевой и Вахе Хасановичу Сайдалиеву 1976 года рождения. Во время происшедшего Ваха Сайдалиев проживал со второй заявительницей и их тремя детьми. Ваха Сайдалиев был инвалидом: у него была ампутирована нога из-за травмы.

А. Исчезновение Вахи Сайдалиева

1. Изложение обстоятельств дела заявителями

(а) Похищение Вахи Сайдалиева

7. 16 апреля 2002 года Сайдалиевы собрались вместе со своими родственниками и знакомыми в своем доме №50 по улице Шерипова села Сержень-Юрт на похоронах члена семьи. В какой-то момент Ваха Сайдалиев на время отлучился из дома и пошел навестить соседей.

8. Около 1 часа пополудни к дому Сайдалиевых подъехали два бронетранспортера (БТР) и три автомашины «УРАЛ», из которых высадилось примерно 50-60 вооруженных мужчин, которые были одеты в камуфляжную форму и говорили по-русски без акцента. Заявители уверены, что мужчины были Российскими военнослужащими.

9. Военнослужащие прошли во двор Сайдалиевых и заблокировали ворота, ведущие во двор. Некоторые из них проникли в дом и обыскали его без предъявления какого-либо ордера. Они осмотрели тело покойника, подготовленное к захоронению, объясняя тем, что получили приказ осмотреть все.

10. Военнослужащие кричали на заявителей и спрашивали, где их «безногий». Затем они выстроили напротив стены в линию всех присутствующих мужчин и проверили их документы.

11. Тем временем, Ваха Сайдалиев вернулся домой и вошел во двор. Военнослужащие сказали ему, что они заберут его в военную комендатуру для допроса, но не предъявили никаких документов. Ваха Сайдалиев не оказывал сопротивления и проследовал в автомашину «УРАЛ».

12. Заявители и Луиза Сайдалиева умоляли военнослужащих не увозить Ваху Сайдалиева. В ответ военнослужащие кричали на женщин; один из них ударил Луизу Сайдалиеву прикладом автомата. Затем автомашины уехали.

(б) Информация от третьих лиц, предоставленная заявителями

13. 16 апреля 2002 года вооруженные мужчины, предположительно Российские военнослужащие, задержали соседа Сайдалиевых, г-на Х. 17 или 18 апреля 2002 года он был освобожден и вернулся домой. Г-н Х. рассказал заявителям, что он видел Ваху Сайдалиева в здании военной комендатуры в деревне Автуры Шалинского района Чеченской Республики. Тем не менее, он отказался рассказать о подробностях своего ареста и содержании под арестом или сделать официальное заявление. Вскоре он покинул село Сержень-Юрт.

14. Весной 2004 года двое неизвестных мужчин навестили родственников Вахи Сайдалиева и рассказали им, что они целый год содержались в тюрьме

в г. Ставрополь в одной камере с Вахой Сайдалиевым. Информации о дальнейшей его судьбе у них не было.

2. Изложение обстоятельств дела Правительством.

15. Примерно в 14 часов 16 апреля 2002 года неустановленные лица в камуфлированной форме, вооруженные автоматическим оружием, похитили Ваху Сайдалиева из дома №50 по улице Шерипова села Сержень-Юрт.

В. Поиски Вахи Сайдалиева и расследование

1. Изложение обстоятельств дела заявителями

16. Сразу же после похищения Вахи Сайдалиева первая и вторая заявительница попросили главу местной администрации помочь им в поисках их родственника, но напрасно.

17. С 16 апреля 2002 года первая и вторая заявительницы пытались установить местонахождение Вахи Сайдалиева. Они обращались в различные государственные органы, включая прокуратуры разных уровней, Президента России, Спикера Государственной Думы России, Администрацию Чеченской Республики, главу Федеральной службы безопасности (ФСБ) и комендатуру района Шали Чеченской Республики, с просьбой помочь им найти их родственника. В их запросах и прошениях заявителям помогли юристы SRJI.

18. 18 мая 2002 года военная прокуратура войсковой части № 20116 («прокуратура войсковой части») направила жалобу первой заявительницы о похищении ее сына в прокуратуру Чеченской Республики, указав при этом, что нет «объективных доказательств причастности военнослужащих объединенной группы войск» к совершенному преступлению.

19. 14 июня 2002 года прокуратура Чеченской Республики перенаправила жалобу первой заявительницы о задержании ее сына «неустановленными лицами» в прокуратуру Шалинского района («районная прокуратура»).

20. 6 августа 2002 года районная прокуратура возбудила уголовное дело по факту исчезновения Вахи Сайдалиева согласно пункту 2 статьи 126 Уголовного кодекса России (похищение при отягчающих обстоятельствах). Делу был присвоен номер 59186.

21. 23 сентября 2002 года районная прокуратура признала первую заявительницу потерпевшей, о чем она была соответственно уведомлена.

22. 8 октября 2002 года районная прокуратура приостановила уголовное дело № 59186 в связи с невозможностью установления виновных лиц, о чем первая заявительница была соответственно уведомлена.

23. 26 декабря 2002 года районная прокуратура сообщила в Администрацию Чеченской Республики и первой заявительнице, что уголовное дело по факту похищения Вахи Сайдалиева находится в производстве и следственные мероприятия по раскрытию данного преступления проводятся.

24. 13 февраля 2003 года отделение Генеральной прокуратуры в Южном Федеральном округе направило жалобу первой заявительницы в Прокуратуру Чеченской Республики.

25. 11 апреля 2003 года районная прокуратура выдала справку о том, что уголовное дело № 59186, возбужденное по факту похищения Вахи

Сайдалиева, находится в производстве и оперативные мероприятия по установлению его местонахождения ведутся.

26. 16 апреля 2003 года прокуратура Чеченской Республики перенаправила жалобу первой заявительницы о том, что ее сын был похищен «людьми в военной форме, которые представились служащими ФСБ», в районную прокуратуру и Управление ФСБ по Чеченской Республике («УФСБ РФ по ЧР»). В запросе значилось сообщить, задерживался ли Ваха Сайдалиев какими-либо силовыми структурами и, если да, было ли возбуждено против него уголовное дело.

27. 24 апреля 2003 года Отдел внутренних дел Шалинского района (РОВД) выдал первой заявительнице справку о том, что ее сын был «действительно увезен в неизвестном направлении 16 апреля 2002 года военнослужащими во время проведения спецоперации в селе Сержень-Юрт.

28. 6 июня 2003 года районная прокуратура сообщила в прокуратуру Чеченской Республики и первой заявительнице, что, несмотря на то, что расследование по делу № 59186 приостановлено, оперативно-розыскные мероприятия по поиску Вахи Сайдалиева и розыску виновных лиц проводятся.

29. 19 июня 2003 года Суд Шалинского района Чеченской Республики по заявлению второй заявительницы объявил Ваху Сайдалиева пропавшим без вести.

30. 28 октября 2003 года первая заявительница попросила районную прокуратуру сообщать ей о ходе расследования и признать ее потерпевшей по данному делу.

31. 5 декабря 2003 года районная прокуратура сообщила первой заявительнице, что расследование по делу № 59186 приостановлено, что она признана потерпевшей и что оперативные мероприятия по установлению местонахождения Вахи Сайдалиева и розыску виновных лиц ведутся.

32. 29 января 2004 года РОВД сообщило первой заявительнице о том, что уголовное дело по факту похищения ее сына возбуждено 6 августа 2002 года и что его поиски ведутся.

33. 6 апреля 2004 года Военная прокуратура Объединенной группы войск (прокуратура ОГВ) сообщила первой заявительнице, что прокуратурой войсковой части была проведена проверка в связи с похищением ее сына, в ходе которой установлена непричастность военнослужащих к данному преступлению, и заявительнице было рекомендовано в дальнейшем обращаться в районную прокуратуру.

34. 6 мая 2004 года первая заявительница обратилась с жалобой об исчезновении ее сына в прокуратуру ОГВ. 8 июня 2004 года прокуратура ОГВ ответила, что уголовное дело № 59186 находится в производстве районной прокуратуры.

35. 1 июля 2004 года районная прокуратура сообщила первой заявительнице, что расследование по факту похищения Вахи Сайдалиева возобновлено.

36.1 августа 2004 года районная прокуратура сообщила первой заявительнице, что расследование по уголовному делу приостановлено, но оперативные мероприятия по поиску Вахи Сайдалиева проводятся.

37. 2 августа 2004 года районная прокуратура выдала первой заявительнице справку о том, что уголовное дело по факту похищения Вахи Сайдалиева находится в производстве, но обнаружить его местонахождение не удалось.
38. 21 августа 2004 года прокуратура ОГВ направила жалобу первой заявительницы в прокуратуру войсковой части с указанием выяснить обстоятельства дела.
39. 25 декабря 2004 года прокуратура ОГВ сообщила первой заявительнице о том, что в ходе проверки по факту исчезновения ее сына было установлено, что служащие правоохранительных органов, находящиеся под ее юрисдикцией, не причастны к совершенному преступлению.
40. 17 февраля 2005 года первая заявительница обратилась с жалобой об исчезновении ее сына в военную комендатуру Шалинского района («военная комендатура»). В тот же день из военной комендатуры ответили, что они запросили информацию о местонахождении Вахи Сайдалиева в различные официальные органы.
41. 10 марта 2005 года прокурор войсковой части сообщил первой заявительнице, что 16 апреля 2002 года никакие спецоперации в селе Сержень-Юрт военнотружущие не проводили и не задерживали никаких местных жителей.
42. 12 марта 2005 года военная комендатура сообщила первой заявительнице, что оперативно-розыскное дело № 71026 было возбуждено по факту исчезновения Вахи Сайдалиева и находится в производстве РОВД.
43. 19 мая 2005 года юристы SRJI запросили у районной прокуратуры сведения о состоянии уголовного дела № 59186. 6 июня 2005 года районная прокуратура ответила, что уголовное дело находится в производстве, и рекомендовала юристам SRJI направлять дальнейшие запросы в прокуратуру Чеченской Республики.
44. 7 июня 2005 года Прокуратура Чеченской Республики направила жалобу первой заявительницы в районную прокуратуру и предписала активизировать расследование по уголовному делу № 59186.
45. 23 сентября 2005 года юристы SRJI пожаловались в прокуратуру Чеченской Республики на то, что им отказали в доступе к материалам дела № 59186. Они также просили продолжить расследование, если оно было приостановлено.
46. 11 октября 2005 года прокуратура Чеченской Республики сообщила юристам SRJI о том, что, несмотря на то, что похитителей Вахи Сайдалиева так и не удалось установить, оперативные мероприятия по раскрытию преступления проводятся. Они также указали, что первая заявительница может получить копии решений о возбуждении и приостановлении расследования в районной прокуратуре.
47. 19 сентября 2007 года Шалинский межрайонный отдел следственного комитета прокуратуры РФ сообщил второй заявительнице, что производство по уголовному делу № 59186 было возобновлено с 20 августа 2007 года и что оперативные мероприятия по раскрытию преступления проводятся.
48. 1 октября 2007 года Министерство внутренних дел Чеченской Республики сообщило первой заявительнице, что уголовное дело по факту похищения ее сына расследуется районной прокуратурой и что РОВД были

проведены все необходимые мероприятия по поиску Вахи Сайдалиева и розыску виновных лиц.

2. Информация, представленная Правительством

49. 6 августа 2002 года районная прокуратура на основании заявления первой заявительницы возбудила уголовное дело по факту похищения Вахи Сайдалиева согласно пункту 2 статьи 126 Уголовного кодекса России (похищение при отягчающих обстоятельствах). Делу был присвоен номер 59186.

50. Дом заявительницы был осмотрен, дата осмотра точно не установлена. Осмотр места преступления результатов не дал. В ходе его проведения ничего не было обнаружено и не было изъято.

51. 23 сентября 2002 года первая заявительница была признана и потерпевшей и допрошена в этом качестве. Согласно ее показаниям 16 апреля 2004 года примерно в 12 часов, Ваха Сайдалиев находился во дворе своего дома. В это время во двор дома заехала автомашина «УРАЛ», в которой находилось 20 человек, одетых в камуфлированную форму и маски и вооруженных автоматическим оружием. Вооруженные люди сказали, что Ваха Сайдалиев был снят на видеокассету в момент похищения военного коменданта Веденского района. После чего они забрали ее сына. Первая заявительница безосновательно утверждала, что Ваха Сайдалиев мог содержаться на военной базе в Ханкале. В действиях незаконных вооруженных формирований ее сын участия не принимал.

52. 6 октября 2002 года уголовное дело № 59186 было приостановлено в связи с невозможностью установления круга причастных лиц, о чем первая заявительница была соответственно проинформирована.

53. 3 апреля 2003 года господин Ч., глава местной администрации села Сержень-Юрт, выдал заявителям справку о том, что Ваха Сайдалиев «был задержан и увезен людьми в камуфлированной форме и масках».

54. 25 июня 2004 года уголовное расследование было возобновлено.

55. 16 июля 2004 года три человека, жители Сержень-Юрт, были допрошены в качестве свидетелей. Они дали показания, аналогичные показаниям первой заявительницы от 23 сентября 2002 года.

56. 1 августа 2004 года предварительное следствие по делу снова было приостановлено.

57. 1 августа 2007 года производство по делу было возобновлено с целью проведения дополнительных следственных действий.

58. В органы военной комендатуры Шалинского района, РОВД и управление ФСБ следственными органами были направлены запросы касательно спецопераций, которые проводились в день похищения. Согласно полученным ответам в тот день в селе Сержень-Юрт никаких спецопераций не проводилось, а Ваха Сайдалиев не задерживался и в изолятор временного содержания не помещался.

59. Также во все прокуратуры и отделы внутренних дел Чеченской Республики следственными органами направлялись запросы, которые не принесли положительных результатов. Тело Вахи Сайдалиева не было обнаружено и среди неопознанных трупов.

60. После постановления от 1 августа 2007 года о возобновлении производства по делу в точно не установленное время были допрошены Г-н Х, сосед заявителей, Г-н С., сотрудник РОВД, и Г-н Ч., бывший глава местной администрации.

61. Г-н Х. показал, что 17 апреля 2002 года он был похищен неустановленными лицами и удерживался в доме в окрестностях села Автуры. Похитители интересовались, есть ли в селе Сержень-Юрт боевики. Днем позже он был освобожден. В том доме он не видел Ваху Сайдалиева.

62. Г-н Ч. и Г-н С. показали, что они по запросу первой заявительницы выдали справки, датированные 3 и 24 апреля 2003 года соответственно, содержащие информацию о ходе расследования по делу.

63. Как следует из дополнительных замечаний Правительства от 21 января 2008 года, в определенный момент была допрошена Лейла [Луиза] Сайдалиева. Она показала, что 16 апреля 2002 года один из вооруженных людей дважды ударил ее по руке прикладом автомата, когда она пыталась преградить ему путь. Она не обращалась за медицинским освидетельствованием, потому что ей были нанесены незначительные повреждения.

64. Проведенным расследованием виновные лица не установлены до сих пор. Причастность каких-либо правоохранительных органов к данному делу не установлена. Два человека, которые якобы вместе с Вахой Сайдалиевым находились под стражей в г. Ставрополь, не установлены. Заявители информируются обо всех результатах, полученных в ходе расследования, в установленном порядке.

65. Несмотря на конкретные запросы Суда, Правительство не представило никаких материалов уголовного дела № 59186, за исключением копий протокол допроса первой заявительницы от 23 сентября 2002 года и нескольких ее заявлений. Ссылаясь на мнение Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что расследование дела продолжается и что раскрытие его материалов было бы нарушением Статьи 161 Уголовно-процессуального Кодекса РФ, поскольку они содержат сведения военного характера и личные данные свидетелей и других участников уголовного процесса.

II. ПРИМЕНИМОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ

66. См. обобщенное изложение соответствующего внутригосударственного законодательства в постановлении по делу *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia* (№. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007 года).

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВА НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖАЛОБЫ

67. Правительство утверждало, что жалоба была подана не в интересах восстановления нарушенных прав заявителей. Истинным предметом и намерением жалобы было достижение цели политического характера, так как заявители хотели «выдвинуть обвинения в адрес Российской Федерации как государства, якобы проводящего политику нарушения прав человека на территории Чеченской Республики». Оно заключило, что со стороны заявителей было злоупотребление правом подачи жалоб и требовало признать жалобу неприемлемой в соответствии со Статьей 35 § 3 Конвенции.

68. Суд полагает, что жалобы, представленные его вниманию заявителями, отвечают существу заявленных нарушений. В документах дела нет ничего, что свидетельствовало бы о нарушении права на подачу индивидуальной жалобы. Соответственно, возражения Правительства должны быть отклонены.

II. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

69. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за неисчерпания внутригосударственных средств защиты. Правительство сообщило, что следствие по делу об исчезновении Вахи Сайдалиева еще не окончено. Кроме того, Правительство отметило, что у заявителей было право оспорить в суде или в вышестоящей инстанции любые действия или недочеты в работе органов следствия или других правоохранительных органов, но заявители не воспользовались этим средством защиты. Также Правительство утверждало, что у заявителей было право подать гражданские иски на возмещение вреда, причиненного действиями следственных органов, но они этого не сделали.

70. Заявители оспорили это возражение. Они утверждали, что уголовное расследование, проводимое более пяти лет, было неэффективным. Ссылаясь на соответствующую практику Суда, заявители оспорили, что для исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты они не обязаны были защищать свои права в рамках гражданского судопроизводства.

B. Оценка, данная Судом

71. Суд напоминает, что правило исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты согласно Статье 35 § 1 Конвенции обязывает заявителей сначала использовать средства правовой защиты, которые обычно доступны и достаточны в рамках внутригосударственной правовой системы

для восстановления нарушенных прав. Наличие таких средств правовой защиты должно быть достаточно определено как в теории, так и на практике, в противном случае им будет не хватать требуемых доступности и эффективности. Статья 35 § 1 также требует, чтобы жалобы, которые предполагается впоследствии подавать в Суд, предварительно были бы заявлены в соответствующий внутригосударственный орган, по крайней мере, по существу дела и в соответствии с официальными требованиями и сроками, предусмотренными внутригосударственным правом; чтобы предварительно были предприняты все процессуальные шаги, которые могут предотвратить нарушение Конвенции. Вместе с тем, нет обязательства обращаться к средствам правовой защиты, которые являются неадекватными либо неэффективными (см. *Aksoy v. Turkey*, 18 December 1996, §§51-52, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, и *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, no. 41964/98, § 64, 27 June 2006 года).

72. На Правительство, утверждающее, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны, возложено обязательство указать Суду с достаточной ясностью, что эти средства были доступными и эффективными в теории и на практике в актуальное время, что отвечали возможности обеспечить восстановление нарушенных прав заявителя и предлагали разумные перспективы успеха (см. *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan*, цит. выше, § 65).

73. Суд отмечает, что российская правовая система в принципе предполагает две возможности по восстановлению прав, нарушенных противоправными действиями государства и его органов, а именно, в порядке гражданского и уголовного судопроизводства.

74. Суд уже указывал, что в рамках гражданского судопроизводства, для того чтобы получить возмещение ущерба, причиненного противоправными действиями государственных органов в ряде подобных дел, такое производство не расценивается, как эффективное средство в контексте требований Статьи 2 Конвенции. Гражданское судопроизводство не может обеспечить независимое расследование, не может установить личности подозреваемых, совершивших нападение или похищение, установить меру их ответственности - без результатов уголовного расследования. (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, постановления 57942/00 и 57945/00, §§ 119-21, 24 февраля 2005 года, и *Estamirov and Others*, цит. выше, § 77). В свете вышеупомянутого, Суд подтверждает, что заявители не обязаны были защищать свои права в рамках гражданского судопроизводства.

75. Что касается уголовного судопроизводства, предусмотренного Российской правовой системой, Суд отмечает, что заявители подали жалобы в соответствующие правоохранительные органы сразу же после похищения Вахи Сайдалиева, расследование находится на стадии рассмотрения с 6 августа 2002. Заявители и Правительство оспаривают эффективность уголовного расследования по факту похищения.

76. Суд полагает, что возражение Правительства затрагивает проблемы в отношении эффективности расследования, которые связаны с существом жалобы заявителей. Таким образом, этот вопрос должен рассматриваться по существу и должен исследоваться в соответствии с субстанциальными положениями Конвенции.

III. ОЦЕНКА СУДОМ ИМЕЮЩИХСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

А. Доводы сторон

77. Заявители утверждали, что вне разумного сомнения люди, которые забрали Ваху Сайдалиева, были представителями государственных структур. В поддержку своих доводов они привели следующие факты. Вооруженные мужчины, которые похитили Ваху Сайдалиева, имели славянскую внешность и говорили на русском языке без акцента, что доказывает, что они были не чеченского происхождения. В дом Сайдалиевых, в котором значительное число людей было собрано для похорон, они приехали на военных транспортных средствах. Несколько свидетелей показали, что люди в масках и военной форме, которые приехали на двух БТР и автомашине «УРАЛ», забрали Ваху Сайдалиева, посадив его в автомашину «УРАЛ». Справка, выданная РОВД 24 апреля 2003 года, подтверждает, что вооруженные люди, которые похитили Ваху Сайдалиева, являлись военнослужащими, проводящими специальную операцию.

78. Правительство утверждало, что Ваху Сайдалиева похитили неустановленные вооруженные люди. Далее утверждалось, что расследование данного происшествия находилось на рассмотрении, что нет никакого подтверждения того, что эти люди были представителями государственных структур, и поэтому нет никаких оснований, чтобы считать государство ответственным за предполагаемые нарушения прав заявителей. Далее они утверждали, что не было никакого убедительного свидетельства, что родственник заявителей мертв.

79. Правительство подчеркивало, что сотрудник РОВД, который выдал справку от 24 апреля 2003 года, был уволен из органов внутренних дел. Ни этот сотрудник РОВД, ни глава местной администрации не обладали правом выдачи справок, содержащих информацию о ходе расследования.

80. Показания первой заявительницы, данные Суду, были более подробными, чем показания, данные ею в ходе внутригосударственного рассмотрения дела, это и помешало следствию установить все обстоятельства дела. Кроме того, показания других свидетелей были противоречивы и относительно количества вооруженных людей и военной техники.

81. Правительство утверждало, что преступление можно было бы отнести к незаконным вооруженным группировкам. Они указали, что на территории Чеченской Республики в деятельности криминальных группировок участвовали группы украинских, белорусских и этнически русских наемников, и подчеркнули, что славянская внешность виновных в преступлении лиц и то, что они говорили по-русски, не доказывают их принадлежность к Российским военным. Они также заметили, что в 1990-х годах из Российских оружейных складов преступниками было украдено значительное количество оружия и БТР и что члены незаконных преступных группировок могли так же располагать и камуфлированной формой.

В. Оценка фактов Судом

1 Общие принципы

82. По делам, в которых существуют противоречащие друг другу версии событий, Суд при установлении фактов неизбежно сталкивается с теми же сложностями, что и любой суд первой инстанции. Когда, как в данном деле, Правительство имеет эксклюзивный доступ к информации, способной подтвердить либо опровергнуть утверждения заявителя, любой недостаток содействия со стороны Правительства без удовлетворительного объяснения может стать основанием для выводов об обоснованности таких утверждений заявителя (см. *Taniş and Others v. Turkey*, no. 65899/01, § 160, ECHR 2005-...).

83. Суд отмечает, что в его практике выработан ряд принципов, применимых в ситуациях, когда он вынужден решать задачу установления фактов, относительно которых между сторонами имеется спор. Что касается спорных фактов, Суд повторяет позицию, сформировавшуюся в его судебной практике, согласно которой при оценке доказательств применению подлежит стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. «*Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 282, ECHR 2001-VII (извлечения)). Достижение такого стандарта доказывания может являться следствием сосуществования достаточно сильных, ясных и согласующихся друг с другом выводов из имеющихся фактов либо схожих непровергнутых презумпций относительно фактов. В этом контексте должно приниматься во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. *Taniş and Others*, цит. выше, §160).

84. Суд со вниманием относится к соблюдению принципа subsidiarity и признаёт, что он должен быть осторожен в принятии на себя роли суда первой инстанции, действуя таким образом только в тех случаях, когда обстоятельства конкретного дела делают это неизбежным (см., например, решение *McKerr v. the United Kingdom* (dec.), no. 28883/95, от 4 апреля 2000 года). Тем не менее, когда выдвигаются обвинения по статьям 2 и 3 Конвенции, Суд должен особенно тщательно рассматривать факты (см., с учётом контекста, *Ribitsch v. Austria*, 4 декабря 1995 года, § 32, Series A no. 336, и *Avşar v. Turkey*, цит. выше, § 283), даже если уже были осуществлены определённые внутригосударственные меры и следственные действия.

85. Когда власти обладают полной либо значительной частью информации о соответствующих событиях, как в делах, по которым задержанные лица находятся под их контролем, возникают сильные фактические презумпции в отношении телесных повреждений и смерти, произошедших во время содержания под стражей. В самом деле, бремя доказывания может считаться возложенным на власти, которые должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. *Tomasi v. France*, 27 августа 1992 года, §§ 108-11, Series A no. 241-A, *Ribitsch*, цит. выше, § 34, и *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 87, ECHR 1999-V).

86. Эти принципы применимы также к делам, по которым хотя не доказано, что лицо было задержано властями, но возможно установить, что он или она вошли в место под их контролем, после чего пропали без вести. В таких обстоятельствах Правительство должно предоставить правдоподобное объяснение тому, что произошло в помещениях под его контролем, и

показать, что соответствующее лицо не было задержано властями, а покинуло помещения без последующего лишения свободы (см. *Taniş and Others*, цит. выше, § 160).

87. В заключение, если внутригосударственными судами рассматривалось уголовное дело по тем же самым обвинениям, следует иметь в виду, что уголовно-правовая ответственность отличается от международно-правовой ответственности по Конвенции. Компетенция Суда ограничена последним. Ответственность по Конвенции основывается на её собственных положениях, которые должны толковаться и применяться на основе целей Конвенции и в свете соответствующих принципов международного права. Ответственность государства по Конвенции за действия его органов, представителей и служащих не следует путать с внутригосударственными правовыми вопросами индивидуальной уголовной ответственности, которые подлежат рассмотрению национальными уголовными судами. В этом смысле Суд не стремится сделать каких-либо выводов о виновности либо невиновности (см. *Avsar*, цит. выше, § 284).

2. Установление фактов

88. Суд отмечает, что, несмотря на его неоднократные запросы копии материалов уголовного дела по похищению Вахи Сайдалиева, Правительство предоставило только несколько документов по делу. Правительство сослалось на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса. Суд отмечает, что в предыдущих делах он уже устанавливал, что это объяснение является недостаточным для объяснения удержания ключевой информации, запрошенной Судом (см. *Itakayeva v. Russia*, №7615/02, § 123, ЕСЧР 2006-... (извлечения)).

89. С учётом этого и вышеизложенных принципов, Суд полагает, что он может сделать выводы из поведения Правительства в отношении убедительности утверждений заявительницы. Суд, таким образом, считает нужным продолжить изучение ключевых элементов настоящего дела, которые будут приняты во внимание в решении вопроса - может ли родственник заявителей считаться мертвым, и была ли его смерть приписана властям.

90. Заявители утверждают, что лица, которые забрали Ваху Сайдалиева 16 апреля 2002 года, были представителями государственных органов.

91. Правительство в своих замечаниях утверждало, что люди, похитившие Ваху Сайдалиева, могли быть членами незаконных бандформирований. Однако это утверждение не было определенным, и они не представили материалы, чтобы подтвердить это. Суд намерен подчеркнуть, что оценка доказательств и установления фактов, это дело Суда, именно это возложено на него, чтобы устанавливать доказательную ценность документов, представленных ему. (см. *Celikbilek v. Turkey*, no. 27693/95, § 71, 31 мая 2005 года).

92. Суд принимает во внимание утверждение Правительства о том, что военная техника, огнестрельное оружие и камуфлированная форма были, возможно, украдены боевиками из федеральных арсеналов в 1990-ых. Однако представляется сомнительным, что несколько военных транспортных средств, таких как БТР и УАЗ, незаконно захваченные членами вооруженных

бандформирований, могли свободно перемещаться через контрольно-пропускные пункты федеральных вооруженных сил незамеченными.

93. Суд замечает, что первая заявительница сообщала следственным органам, что она видела, как Ваха Сайдалиев был помещен вооруженными людьми в автомашину «УРАЛ» (см. параграф 51 выше). Несколько свидетелей подтверждали ее изложение хода событий (см. параграф 55 выше).

94. Кроме того, сотрудник РОВД подтверждал в письменной форме, что родственника заявителей забрали русские военные (см. параграф 27 выше). Суд не убежден, что заявители каким-либо образом вынудили господина С. дать такие показания. Принимается во внимание объяснение Правительства, что господин С. не имел право выдавать справку от 24 апреля 2003 (см. параграф 79 выше). Тем не менее, этот документ считается действительным свидетельством в поддержку утверждений заявителей.

95. Суд также отмечает, что сосед заявителей сообщал следственным органам, что он был похищен вооруженными людьми на следующий день после похищения Вахи Сайдалиева, и что ему задавали вопросы о боевиках. И этот факт мог рассматриваться как подтверждение версии о проведении спецоперации в деревне Сержень-Юрт (см. параграф 61 выше).

96. Внутригосударственное расследование учитывало факты, как они были представлены заявителями, и предприняло шаги, чтобы проверить, были ли правоохранительные органы вовлечены в похищение (см. параграфы 26, 39 - 40 и 58 выше).

97. Суд считает тот факт, что большая группа вооруженных людей в униформе на БТР и автомашинах «УРАЛ» при свете дня передвигалась по селу и подъехала к дому Сайдалиевых, в котором собралось значительное число местных жителей, убедительно подтверждает утверждение заявителей о том, что эти люди были сотрудниками государственных служб, проводящих специальную операцию.

98. Суд отмечает, что в случаях представления заявителями достаточно серьезных аргументов и при недостатке документов, необходимых для установления Судом фактических выводов, на Правительство возлагается ответственность окончательно объяснить, почему требуемые документы не могут быть представлены, чтобы подтвердить утверждения заявителей, или обеспечить удовлетворительное и убедительное объяснение по обстоятельствам рассматриваемых событий. Бремя доказывания, таким образом, возлагается на Правительство, и если оно не сможет предоставить удовлетворительные аргументы, то возникают основания для установления нарушений в соответствии со Статьей 2 и/или Статьей 3 Конвенции (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 May 2005 года, and *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

99. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд установил, что заявители представили достаточно серьезные доказательства для установления фактов по делу; что их родственник был похищен сотрудниками государственных органов. Утверждение Правительства о том, что следствие не нашло никаких доказательств о причастности спецслужб к похищению, недостаточно для освобождения от вышеупомянутого бремени доказывания. На основании выводов по факту отказа Правительства предоставить материалы дела, которые были в их исключительном ведении,

или по факту невозможности предоставить другое правдоподобное объяснение по обстоятельствам рассматриваемых событий, Суд полагает, что Ваха Сайдалиев был похищен 16 апреля 2002 года сотрудниками спецслужб во время неустановленной спецоперации.

100. Не было никаких достоверных известий от Вахи Сайдалиева с момента его похищения. Его имя не было найдено в списках официальных мест заключения. Наконец, Правительство не предоставило никаких объяснений о том, что произошло с ним после его ареста.

101. На основании предыдущих дел по факту исчезновения людей в Чеченской Республике, которые были рассмотрены Судом (см, *Imakayeva*, цит. выше, *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-... (выдержки); *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 апреля 2007 года, *Akhmadova and Sadulayeva*, цит. выше, и *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no.68007/01, 5 июля 2007 года), Суд полагает, что в свете обстоятельств конфликта в Чеченской Республике, факт задержания человека неустановленными сотрудниками спецслужб без какого-либо последующего признания такой задержки, может расцениваться как угроза жизни. Отсутствие Вахи Сайдалиева или каких-либо новостей о нем более семи лет подтверждают это предположение.

102. Соответственно, Суд находит, что свидетельства, отвечающие необходимому стандарту доказывания, подтверждают, что Ваха Сайдалиев должен считаться мертвым вследствие его непризнаваемого похищения сотрудниками спецслужб.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

103. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственник исчез после задержания российскими военнослужащими, а государственные органы не провели эффективное расследование данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(a) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

A. Информация, предоставленная сторонами

104. Правительство утверждало, что органами следствия не получено данных о том, что Вахи Сайдалиева нет в живых или что к его похищению и предположительному убийству причастны представители федеральных силовых структур. Правительство утверждало, что расследование по факту

исчезновения родственника заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, поскольку принимались все предусмотренные национальным законодательством меры к установлению лиц, виновных в совершении данного преступления. Следствие велось прокуратурой. Были допрошены несколько свидетелей похищения, такие как г-н Х., сосед заявителей, похищенный 16 апреля 2002 года и двое мужчин, которые утверждали, что видели Ваху Сайдалиева в Ставрополе. Правительство объяснило отсрочки в ходе производства следственных мероприятий тем фактом, что с 2002 года в Шалинском районе была активная деятельность различных криминальных, в том числе террористических группировок.

105. Заявители же утверждали, что Ваха Сайдалиев был задержан представителями федеральных сил и должен считаться умершим по причине отсутствия достоверных сведений о нем уже более семи лет. Они также утверждали, что расследование не соответствовало требованиям эффективности и адекватности, установленным прецедентной практикой Суда по Статье 2. В частности они указали, что расследование было начато запоздало и что множество свидетелей похищения, включая третьего заявителя, вообще не было допрошено в качестве свидетелей. Были длинные периоды бездеятельности со стороны следственных органов. Заявители призвали Суд сделать соответствующие выводы из необоснованного отказа Правительства предоставить заявителям или Суду материалы уголовного дела.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

106. В свете представленных сторонами аргументов, Суд считает, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. параграф 76 выше). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Вахи Сайдалиева

107. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия государственных структур, но и сопутствующие

обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 года, серия А № 324, и *Avşar*, цит. выше, § 391).

108. Судом уже установлено, что родственники заявителей следует считать умершим после его безвестного задержания сотрудниками федеральных сил и что ответственность за его смерть несет Государство. В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражения агентами Государства Суд делает вывод, что в отношении Вахи Сайдалиева имеет место нарушение статьи 2 Конвенции.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования похищения

109. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь, согласно Статье 2 Конвенции, предусмотренное в связи с общим обязательством государства согласно Статье 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные в Конвенции», требует, в порядке презумпции, проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы (см., *mutatis mutandis*, *McCann and Others*, цит. выше, § 161, и *Kaya v. Turkey*, 19 февраля 1998 года, § 86, *Reports* 1998-I). Существенной целью такого расследования является обеспечение эффективной имплементации внутригосударственного законодательства, защищающего право на жизнь, и, по делам, связанным с участием представителей государства или государственных органов, привлечение их к ответственности за смерти, за которые они должны нести ответственность. Такое расследование должно быть независимым, открытым для доступа семье пострадавшего, выполняться в разумные сроки, эффективным в том смысле, что оно способно принять решение, было ли применение силы в данном случае оправдано или нет при таких обстоятельствах или же оно было незаконным, и предоставлять достаточную часть для открытого рассмотрения следствия или его результатов (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, № 24746/94, §§ 105-109, от 4 мая 2001 года; и *Douglas-Williams v. the United Kingdom* (реш.), № 56413/00, 8 января 2002 года).

110. В настоящем деле проводилось расследование по факту похищения Вахи Сайдалиева. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

111. Суд отмечает, что Правительство не предоставило Суду подавляющее большинство материалов уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены сторонами, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

112. Суд отмечает, что власти были немедленно оповещены заявителями о свершенном преступлении. Тем не менее, уголовное дело № 59186 было возбуждено лишь 6 августа 2002 года, то есть через три месяца и двадцать дней после похищения Вахи Сайдалиева. Суд не убеждает аргумент Правительства, что активность незаконных вооруженных группировок могла бы стать достаточным объяснением столь долгой задержки, которая сама по себе не могла повлиять на результативность расследования такого преступления, как похищение человека при угрожающих жизни

обстоятельствах, где критически важные действия должны быть предприняты в первые же дни после случившегося.

113. Суд отмечает, что произошла задержка с проведением целого ряда важнейших мероприятий. Например, первая заявительница, свидетельствовавшая о похищении ее сына, была впервые допрошена только 23 сентября 2002 года (см. параграф 51 выше), то есть почти через два месяца после возбуждения уголовного дела. Кроме того, господин Ч. и господин С. были впервые допрошены только после августа 2007 года после коммуникации настоящей жалобы Правительству (см. параграф 60 выше). Несмотря на то, что из утверждений Правительства не ясно, когда следственными органами была допрошена Луиза Сайдалиева, очевидец похищения, остается фактом, что ее интервью было впервые упомянуто только в январе 2008 года, что дает основания предполагать, что эти мероприятия не были проведены немедленно (см. параграф 63 выше). Очевидно, что показания свидетелей привели бы к более многозначительным результатам лишь в том случае, если бы были предприняты непосредственно после сообщения властям о преступлении и возбуждения уголовного дела. Задержка с их производством, которой в данном случае нет объяснений, не только демонстрирует нежелание государства действовать по собственной инициативе, но также является нарушением обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, №46477/99, § 86, ECHR 2002-II).

114. Далее Суд обращает внимание, что в ходе уголовного расследования своевременно не был предпринят ряд существенных шагов. Например, следственными органами не были установлены личности и не были допрошены никто из жителей села, которые были собраны 16 апреля 2002 года в доме заявителей по случаю похорон. И при этом они не пробовали проверить, использовались ли какие-либо БТР или автомашины «УРАЛ» какими-нибудь военными или правоохранительными органами 16 апреля 2002 года в окрестностях села Сержень-Юрт.

115. Суд также отмечает, что хотя первую заявительницу признали потерпевшей по уголовному делу № 59186, ее лишь информировали о приостановлении и возобновлении производства по делу, но не сообщали ей о других значимых событиях. Это значит, что следственные органы не обеспечили необходимого уровня общественного контроля за ходом расследования и защиты законных интересов ближайших родственников (см. *Ojür v. Turkey* [GC], №21594/93, § 92, ECHR 1999-III).

116. Наконец, Суд отмечает, что расследование по делу № 59186 дважды приостанавливалось и возобновлялось. Кроме того, периоды бездействия следственных органов, когда не проводилось никаких мероприятий, были очень длительными: один год, восемь месяцев и двадцать дней между 6 октября 2002 года и 25 июня 2004 года и три года между 1 августа 2004 года и 1 августа 2007 года.

117. Суд теперь исследует часть возражений Правительства, которые были добавлены при рассмотрении жалобы по существу (см. параграф 76 выше). Поскольку внутригосударственное расследование, фактически, все еще находится на рассмотрении, Суд отмечает, что неспособность властей

провести неотложные и срочные следственные действия подорвала эффективность расследования на его ранних стадиях. Кроме того, Правительство упоминало, что у заявителей была возможность оспорить действия следственных органов в контексте исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. В отношении этого суд отмечает, что на самом деле заявители, не имея доступа к материалам уголовного дела и не обладая информацией о ходе расследования, не могли эффективно оспаривать действия или бездействия следственных органов перед судом или вышестоящей инстанцией. Кроме того, производство по делу было возобновлено следственными органами с целью проведения дополнительных следственных действий. Однако изучение возражений заявителей по существу делу все еще оставались недостаточными. Кроме того, следственные мероприятия, не терпящие отлагательства, проводились безрезультатно в силу несвоевременности их проведения. В связи с этим, вызывает сомнение, что указанное средство защиты могло бы привести к какому-либо успеху. Соответственно, Суд считает, что средство правовой защиты, на которое полагается Правительство, было при таких обстоятельствах дела неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания заявителями внутригосударственных средств правовой защиты в ходе уголовного расследования.

118. В свете вышесказанного Суд считает, что властями не было проведено эффективного уголовного расследования обстоятельств исчезновения Вахи Сайдалиева, что является нарушением процессуальной части Статьи 2.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

119. Заявители ссылались на Статью 3 Конвенции, указывая, что в результате исчезновения их родственника и отказа государства от проведения добросовестного расследования этого происшествия они испытывали душевные страдания. Статья 3 гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

A. Информация, предоставленная сторонами

120. Правительство не согласилось с этими заявлениями, поскольку, по его утверждениям, следствием не было установлено, заявители подверглись бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции.

121. Заявители повторили свои возражения.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

122. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

123. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, в отношении которой нарушены положения Статьи 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального дистресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы выдать подобную информацию. Далее Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, № 25656/94, § 358, 18 июня 2002 года, и *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

124. В настоящем деле Суд отмечает, что без вести пропавший был сыном первой заявительницы, супругом второй заявительницы и братом третьей заявительницы. Как установлено, ходатайства и запросы во внутригосударственные органы в отношении исчезновения Вахи Сайдалиева направляли только первая и вторая заявительницы. Суду не было представлено ни одного свидетельства того, что третья заявительница была в какой-либо мере вовлечена в поиск Вахи Сайдалиева (см., для сравнения, *Luluyev and Others*, цит. выше, § 112). При этом, Суд, допуская, что события 16 апреля 2002 года, возможно, были для третьей заявительницы источником значительного дистресса, однако, является неспособным заключить, что ее умственное и эмоциональное страдание было отлично от эмоционального дистресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека.

125. Что касается первой и второй заявительницы, Суд отмечает, что в течение почти семи лет они не имели никаких новостей о Вахе Сайдалиеве. В течение всего периода эти две женщины постоянно обращались и в письменной форме и лично к различным государственным учреждениям с запросами об их сыне и муже. Несмотря на все их попытки, первая и вторая заявительницы никогда не получали никакого правдоподобного объяснения или информации относительно того, что случилось с Вахой Сайдалиевым

после его похищения. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

126. В свете вышеизложенного, Суд находит, что первая и вторая заявительницы испытали и продолжают испытывать эмоциональный дистресс и моральные страдания как результат исчезновения их сына и мужа и по причине отсутствия у них возможности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать бесчеловечным обращением, нарушающим Статью 3.

127. Из этого Суд делает вывод, что в отношении первой и второй заявительницы имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции, а в отношении третьей заявительницы Статья 3 Конвенции не нарушена.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

128. Далее заявители утверждали, что Ваха Сайдалиев был задержан в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

А. Информация, предоставленная сторонами

129. Согласно информации, предоставленной Правительством, доказательство того, что Ваха Сайдалиев был лишен свободы в нарушение гарантий статьи 5 Конвенции, следствием не получено.

130. Заявители повторили свою жалобу.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

131. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

132. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также Суд отмечал, что безвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезным нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, №25704/94, § 164, 27 февраля 2001 года, и *Lulujev*, цит. выше, § 122).

133. Суд считает установленным, что Ваха Сайдалиев был задержан представителями государства 16 апреля 2002 года, и с тех пор его не видели. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальные сведения о его дальнейшем местонахождении и судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

134. Далее Суд считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увезли при угрожающих жизни обстоятельствах.

135. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что Ваха Сайдалиев был подвергнут безвестному задержанию без каких бы то ни было гарантий Статьи 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, закрепленных Статьей 5 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

136. Заявители жаловались на то, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений Статей 2 и 3 Конвенции, что противоречит Статье 13, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

А. Информация, предоставленная сторонами

137. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться подобными средствами. Заявители имеют право оспаривать действия или бездействия следственных органов перед судом или вышестоящей инстанцией и подавать гражданские иски на возмещение вреда.

138. Заявители повторили свою жалобу.

В. Оценка, данная Судом

1. Приемлемость

139. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

140. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средств правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Согласно установившейся практике Суда, эффективность Статьи 13 Конвенции требует, чтобы на национальном уровне имелось правовое средство, позволяющее компетентному внутригосударственному органу принять решение по сути жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение ущерба, хотя государствам и дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Однако требование о наличии такого правового средства касается только тех жалоб, которые можно считать «потенциально достоверными» положениям Конвенции (см., помимо прочих источников, *Halford v. the United Kingdom*, постановление от 25 июня 1997 года, § 64, *Reports 1997-III*).

141. Что касается жалобы об отсутствии гарантированных Статьей 2 эффективных средств защиты по жалобе заявителей, Суд считает нужным подчеркнуть, что учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к идентификации и наказанию виновных в соответствии со Статьей 3, что в частности предполагает фактический доступ истца к следственным процедурам, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Angelova v. Bulgaria*, по. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Suheyla Aydın v. Turkey*, по. 25660/94, § 208, 24 мая 2005 года). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся только к

обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, § 183).

142. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статьи 2 указанную жалобу явно следует считать "потенциально достоверной" для целей Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, 27 апреля 1988 года, § 52, серия А № 131). Следовательно, заявители должны были иметь возможность воспользоваться для себя эффективными и практически применимыми средствами правовой защиты, способными привести к идентификации и наказанию виновных и к назначению компенсации в соответствии со Статьей 13.

143. Из этого следует, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование уголовного дела об исчезновении оказалось неэффективным, что в свою очередь подрывало эффективность любого другого потенциально имеющегося в наличии средства, Правительство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

144. Следовательно, имеет место нарушение статьи 13 Конвенции, связанное со Статьей 2 Конвенции.

145. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции, Суд отмечает, что признает нарушение вышеназванного положения в части душевных страданий первой и второй заявительницы в результате исчезновения их сына и мужа, неспособности выяснить, что с ним произошло, и отношения властей к их жалобам. Однако Суд уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции, связанное со Статьей 2 Конвенции в части поведения властей, вызвавшего душевные страдания первой и второй заявительницы. Суд считает, что при данных обстоятельствах нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13, связанном со Статьей 3 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

146. Заявители жаловались, что при осуществлении своих прав, защищаемых Конвенцией, они подверглись дискриминации, утверждая, что названные нарушения были связаны с их чеченским этническим происхождением. Это противоречит Статье 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

147. В своих замечаниях по поводу приемлемости и существа жалобы от 6 декабря 2007 года заявители указали, что не намерены добиваться рассмотрения Судом своих жалоб на нарушение Статьи 14 Конвенции.

148. Суд, принимая во внимание Статью 37 Конвенции, делает вывод о том, что заявители более не намерены добиваться рассмотрения этой части своей жалобы, именно в значении Статьи 37 § 1 (а). Суд также не видит причин общего характера, относящихся к соблюдению установленных Конвенцией прав человека, которые требовали бы продолжить рассмотрение настоящей

жалобы согласно Статье 37 § 1 Конвенции *in fine* (см., например, *Singh and Others v. the United Kingdom* (реш.), № 30024/96, 26 сентября 2000 года, и *Stamatios Karagiannis v. Greece*, № 27806/02, § 28, 10 февраля 2005 года).

149. Следовательно, эту часть жалобы следует исключить в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

150. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Возмещение материального ущерба

151. Первая и вторая заявительницы потребовали возмещения материального ущерба от потери заработка их сына и мужа. Ваха Сайдалиев получал ежемесячную пенсию по инвалидности. Первая и вторая заявительницы считали, что он поддерживал бы свою супругу материально до тех пор, пока их три дочери не достигнут совершеннолетия. Первая и вторая заявительницы указали, что дети Вахи Сайдалиева проживают с первой заявительницей, и заявили общий материальный ущерб к возмещению в размере 150,915 рублей (приблизительно 4,300 евро).

152. Правительство сочло эти требования необоснованными. Оно указало, что вторая заявительница и ее дочери получили пенсию за потерю кормильца от внутригосударственных властей; размер этой пенсии неизвестен.

153. Суд повторяет, что между материальным ущербом, компенсацию которого требуют заявители, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь. Принимая во внимание эти доводы, находит прямую причинно-следственную связь между нарушением Статьи 2 относительно Вахи Сайдалиева и потерей первой и второй заявительницей материальной поддержки, которую он, вероятно, обеспечил бы им в будущем. Суд не имеет никакой подробной информации относительно пенсии за потерю кормильца, предположительно полученной второй заявительницей и ее дочерьми, таким образом, не имеет возможности установить, могла ли эта пенсия служить компенсацией материального ущерба, нанесенного второй заявительнице. Исходя из утверждений заявителей, Суд присуждает 4,300 евро первой и второй заявительнице совместно в качестве компенсации материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Возмещение морального вреда

154. Заявители требовали компенсации морального вреда за страдания, которым они подверглись в результате потери члена их семьи, и безразличия, проявленного властями по отношению к ним. Первая и вторая заявительницы

потребовали по 40,000 евро каждой, а третья заявительница потребовала 8,000 евро на этом же основании.

155. Правительство посчитало требуемую сумму чрезмерной.

156. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в части неизвестного задержания и исчезновения родственника заявителей. Первая и вторая заявительницы были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что им был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. В качестве возмещения морального вреда Суд присуждает первой заявительнице 15,000 евро, второй заявительнице 20,000 евро и третьей заявительнице 1,000 евро, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы

С. Издержки и расходы

157. Заявителей в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов «Правовой инициативы» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Они также просили компенсировать расходы за переводы и за услуги курьерской почтовой службы. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 7,126.37 евро.

158. Правительство указало, что заявители не должны иметь право ни на какую компенсацию затрат и расходов, поскольку юристы SRJI не указаны в доверенностях.

159. Суд не разделяет мнения Правительства, что заявители не могут требовать оплаты юридических и других затрат, понесенных в ходе рассмотрения дела в Страсбурге, вследствие отсутствия в доверенностях подписей их представителей.

160. Суд, во-первых, обязан установить, были ли затраты и расходы, обозначенные представителями заявителей, фактически понесенными и, во вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others*, цит. выше, § 220).

161. Принимая во внимание представленные сведения, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

162. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. В то же время Суд отмечает, что поскольку в данном случае применялась Статья 29 § 3, представители заявителей передали в Суд свои замечания по приемлемости и существу дела как один набор документов. Поэтому Суд сомневается в том, что на подготовку юридических документов было необходимо так много времени, как утверждают представители.

163. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 4,500 евро, плюс налоги и сборы, если они начисляется на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

164. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Принимает решение* исключить жалобу из списка своих дел в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции в части, касающейся жалоб заявителей на нарушение Статьи 14 Конвенции;
2. *Отклоняет* возражение Правительства относительно права на подачу индивидуальной жалобы;
3. *Решает* объединить с рассмотрением по существу возражения Правительства относительно неисчерпания внутригосударственных средств защиты и отклоняет его,
4. *Объявляет* жалобы на нарушение Статей 2, 3, 5 и 13 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Вахи Сайдалиева;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Вахи Сайдалиева;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушения Статьи 3 Конвенции в отношении первой и второй заявительницы по нанесению им морального вреда и причинению эмоциональных страданий и не имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении третьей заявительницы;
8. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Вахи Сайдалиева;
9. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части заявленных нарушений Статьи 2 Конвенции;
10. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 3;
11. *Постановляет*,
 - (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:
 - (i) 4,300 (четыре тысячи триста) евро в возмещение материального ущерба первой и второй заявительницам совместно, в рублях по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;

(ii) 15,000 (пятнадцать тысяч) евро первой заявительнице, 20,000 (двадцать тысяч) евро второй заявительнице и 1,000 (тысячу тысяч) евро третьей заявительнице в возмещение морального вреда, в рублях по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;

(iii) 4,500 (четыре тысячи пятьсот) евро в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

12. *Отклоняет* другие требования заявителей относительно компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 2 апреля 2009 года в соответствии с Правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, секретарь
Кристос Розакис, председатель

ⁱ Исправлено 4 мая 2009 года: изначально текст был «госпожа Сайдалиева Хавра Хасановна»